Круглые столы и дискуссии

Round tables and discussions

УДК 316.2

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ «СОЦИОЛОГИЮ ПОЛИТИКИ» П. БУРДЬЁ (ДЕКАН ПРИГЛАШАЕТ К ДИАЛОГУ)

В. Ф. ГИГИН[1)]***, Ж. М. ГРИЩЕНКО***[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Предлагаемый вниманию читателя диалог посвящен творческому наследию выдающегося французского социолога и политолога П. Бурдьё. Исходя из популярности П. Бурдьё, в том числе и среди студентов ФФСН БГУ, авторы пытаются ответить на вопрос, что привносит социология политики П. Бурдьё в мировоззрение современного студента, его профессиональную компетенцию и каков ее разрешающий потенциал в понимании современного социума.

Ключевые слова: социология политики; социоанализ; кодировка поля политики; делегирование полномочий; эффект аппарата; гомология пространственных структур; габитус; порог компетентности.

TURNING OVER THE «SOCIOLOGY OF POLITICS» OF P. BOURDIEU: DEAN INVITES TO A DIALOGUE

V. F. GIGIN[a]***, Zh. M. GRISHCHENKO***[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*
Corresponding author: Zh. M. Grishchenko (sociology@bsu.by)

The dialogue brought to the attention of the reader is devoted to the sociology of the posultics of the outstanding French scientist P. Bourdieu. Based on the popularity of P. Bourdieu, including among students of the faculty of philosophy and social

Образец цитирования:
Гигин ВФ, Грищенко ЖМ. Перелистывая «Социологию политики» П. Бурдьё (декан приглашает к диалогу). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;1:4–14.

For citation:
Gigin VF, Grishchenko ZhM. Turning over the «Sociology of politics» of P. Bourdieu: dean invites to a dialogue. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;1:4–14. Russian.

Авторы:
Вадим Францевич Гигин – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.
Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:
Vadim F. Gigin, PhD (history), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.
v.f.gigin@gmail.com
Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sociology@bsu.by

sciences, Belarusian State University, the authors are trying to answer the question of what brings the sociogy of P. Bourdieu to the worldview of a modern student, his professional competence and what is its resolving potential in understanding modern society.

Keywords: sociology of politics; socioanalysis; coding of the political field; delegation of authority; apparatus effect; homology of spatial structures; habitus; threshold of competence.

Вадим Гигин: Не стоит скрывать, что поводом к данному диалогу послужило повышенное внимание к идеям П. Бурдьё в ходе преподавания социологии политики (да и не только ее) на нашем факультете. Порой это вызывает у некоторых коллег недоуменные вопросы.

С одной стороны, в профессиональной среде П. Бурдьё привычно позиционируется как известный французский философ, социолог, политолог, этолог, публицист. Более того, в своем известном эссе, посвященном памяти П. Бурдьё, Э. Тевенон расширяет границы авторитета ученого, представляя его как самого известного социолога в мире. П. Бурдьё считается самым читаемым социологом, оставившим после ухода из жизни огромное творческое наследие: более 35 книг, 400 статей и 7000 страниц в интернете, в которых отражено новое прочтение социума. Знакомство с этими работами, бесспорно, расширяет эвристический потенциал современных студентов за счет их погружения в суть социальных теорий ключевых персоналий современной гуманитаристики.

Жанна Грищенко: Я бы добавила еще один штрих к портрету мыслителя. П. Бурдьё, как правило, заканчивается перечень выдающихся мировых политологов XX в., за которым следует пролонгированная во времени пустота с точки зрения масштабности личности ученого в сфере политических наук, причем как в отечественной, так и западной политологии.

В. Г.: Согласен! Это принципиально в контексте заданной нами тематики.

С другой стороны, насколько оправданно наше повышенное внимание именно к теории Бурдьё? Особенно в рамках конкретной учебной программы. Позволю себе напомнить, что сам мыслитель в своем известном «Обращении к русскому читателю» перед выходом в свет русскоязычного варианта «Социологии политики» выразил некоторые сомнения относительно успешности данного события. В качестве аргумента он привел факт несовпадения исходных социально-политических контекстов. В своих попытках обоснования закономерностей функционирования поля политики автор опирался на западные политические реалии, да еще с акцентом на историю послевоенной Франции. В России же книга вышла в 1993 г., в период, наполненный для всего постсоветского пространства принципиально иными самобытными и драматическими явлениями. Это и крушение СССР, и переход от советской плановой экономики к капиталистическому пути развития, и борьба демократических и авторитарных тенденций на постсоветском пространстве и т. п. Согласитесь, такого рода потрясения лишь с большой долей условности похожи на кризис Четвертой республики, становление Пятой республики, т. е. на те процессы во Франции, свидетелем которых был П. Бурдьё и которые составили, если угодно, историко-событийный фундамент его теории. У русскоязычного читателя, в том числе и у современной генерации студентов, возникает закономерное желание спроецировать тексты П. Бурдьё на переживаемый отечественный опыт, попытаться отыскать в них ответы на вопросы сегодняшнего дня, автоматически перенося их на отечественную политическую практику и, возможно, не всегда считая эти попытки даже уместными. Существуют реальные риски интеллектуальных разногласий (что не означает непонимания) и, как следствие, недооценки, в том числе и нашими студентами, практической и теоретической ценности работ П. Бурдьё в целом.

Ж. Г.: Бурдьё не был бы Бурдьё, если бы он изменил принципу критической рефлексии, внутренне присущему его методологии социоанализа и пронизывающему все без исключения его работы. Французский мыслитель параллельно находит убедительные контрдоводы изложенным аргументам. Например, он не отрицает того, что именно советский опыт представляет собой весьма благодатную почву для проекции его моделей в том смысле, что в мире мало таких мест, как «в стране, изобретшей и внедрившей на огромной части света тиранию аппаратчиков – второсортных интеллектуалов, если не сказать посредственностей, царивших во имя теории, науки и правды» [1, с. 30]. Кроме того, дистанцируясь в пространственном отношении от наших отечественных реалий, на наших обществоведов он тем не менее прекрасно улавливает влияние конъюнктурной предопределенности их рассуждений. Начиная с 1990-х гг., например, это своеобразие выразилось в искушении простого идеологического переворота от за к против. Об этом П. Бурдьё говорит прямо. И, не страшась упреков в излишней претенциозности в свой адрес, все же считает, что его тексты призваны помочь нашему обществу «сэкономить на ошибках, на которые обрекают себя те, кто игнорирует тот факт, что недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине» [1, с. 31].

В. Г.: Опять моя любимая историческая ретроспекция! Вот только нужен ли нам П. Бурдьё для

того, чтобы разобраться в собственной истории и дать оценку нашим политическим элитам? Другое дело, что с учетом перманентной переоценки исторических событий мы шли методом проб и ошибок, опираясь преимущественно на эмоции или конъюнктуру момента. Отсюда и порой неоправданные метания в оценках: что вчера было плохим, вдруг оборачивается противоположной стороной сегодня, и наоборот, вчерашняя мечта о демократии как некоем светлом будущем вдруг в настоящем, когда мы к ней в какой-то мере повернулись лицом, ставит очень много вопросов о ее реальном конструктивном потенциале. Я бы сказал, обнажает бездну проблем, о которых ранее мы и не задумывались. Впрочем, в этом и есть суть диалектической методологии познания. И тогда наблюдаемые противоречия вполне оправданны. Поэтому более правильно поставить вопрос в ином ракурсе: насколько изложенные П. Бурдьё закономерности универсальны с точки зрения оценок не столько прошлого, сколько настоящего и будущего? Как я понимаю, автор и сам развенчал собственные иллюзии по поводу демократии. И если бы мы об этом прочитали в конце 1980-х гг., то, вполне вероятно, задумались бы о целесообразности этого триумфального скачка в неизвестное завтра. Или, по крайней мере, оценивали бы перспективы наших трансформаций в демократический контекст менее оптимистично.

Ж. Г.: «Как много надо знать, чтобы знать, как мало мы знаем!» (Сократ). Но социальная концепция Бурдьё блестяще подтверждает данную истину, расширяя горизонты нашего понимания демократии, но не возводя их в абсолют.

Всю свою сознательную творческую жизнь П. Бурдьё занимался раскодировкой поля политики (и не только!), рассматривая его как своеобразную игру, «правила которой не были объяснены заранее, а игроки неравным образом поделили между собой козыри – культурный и иные капиталы» [1, с. 26]. Позже сложилась целостная концепция поля политики, обнажившая истину в том, что исход политической борьбы зависит не только и даже не столько от монополии на ресурсные возможности между игроками поля (финансовые, правовые, силовые и т. п.), сколько от монополии «производства и распространения политических представлений и мнений: именно они обладают той “мобилизующей” силой, которая дает жизнь политическим партиям и правящим группировкам» [1, с. 24]. В этом смысле расшифровка кода взаимодействия игроков поля политики и его функционирования, действительно, универсальна в определенных пределах.

В. Г.: В обозначенном нами политическом сюжете П. Бурдьё привлекает к себе внимание прежде всего своей бескомпромиссностью по поводу взаимодействия социологии как научной дисциплины и политики, понимаемой им как институционализирующийся результат окружающей нас политической практики. Взять хотя бы такой его пассаж: «Настал момент, когда ученые совершенно полноправно обязаны вмешаться в политику… со всем авторитетом и правом, которое дает принадлежность к автономному универсуму науки» [1, с. 23].

Вместе с тем он сам длительное время сознательно дистанцировался от участия в политике, не вступал ни в одну из партий, пытался как бы убить в себе политика и защитить свое личное автономное пространство ученого от политической ангажированности. Нашей культуре также понятны подобные сциентистские взгляды, в том числе социологов, ратующих за научную чистоту своих рядов и сознательно абстрагирующихся от участия в политике, способной бросить тень на ученого, поставив под сомнение объективность его научных результатов. Но тогда откуда эти индикативные установки, обращенные к социологам с соответствующими призывами «вмешаться», «обязать», «развенчать», «не допускать» и пр.?

Ж. Г.: Думаю, от политической целесообразности момента. Или практической объективной необходимости, которую диктовала и продолжает диктовать социально-политическая практика последних десятилетий XX в. Хорошо известно, что именно в этот период П. Бурдьё отошел от своих принципов невмешательства в непосредственное политическое участие и активно поддержал, например, забастовки антиглобалистов в декабре 1995 г.

Но я бы обратила внимание еще на один из факторов, объясняющий трансформацию ментальности ученого. Возможно, прецедент когнитивной недостаточности, имманентно свойственный любому исследовательскому процессу, до поры до времени являлся фактором торможения в адекватном определении им как ученым и одновременно как гражданином своей личностной позиции. Можно сказать, что после решения целого ряда гносеологических проблем в постижении сути поля политики и освоения алгоритмов его функционирования П. Бурдьё переходит на принципиально иную активную гражданскую платформу, настаивая на активной роли социологии в политике.

В. Г.: Добавлю: практической социологии! П. Бурдье трактует ее как «инвестированную в социальную жизнь» исследовательскую стратегию или стратегию, «практически вовлеченную» в социальную действительность. Его кредо как ученого, замечу, в корне противоположно задачам чистого теоретизирования. Более того, крылатым стало выражение П. Бурдьё о том, что «теоретические определения сами по себе не имеют никакой ценности, если их нельзя заставить работать в эмпирическом исследовании» [1, с. 11]. Боюсь, однако, что высказанное чревато конфликтом с некоторыми научными традициями, ибо любой приверженец теоретических фундаментальных знаний, воспитанный на уста-

новке «теоретику нечего делать с социальной действительностью, кроме как объяснять ее» [1, с. 12], выразит по меньшей мере полное недоумение по поводу суждений П. Бурдьё и вряд ли согласится с их категоричностью.

Ж. Г.: Скорее да, чем нет. Во всяком случае, такая направленность сознания, например, философов не просто очевидна, а даже осязаема: они продолжают витать в привычных для себя трансцендентальных апперцепциях, считая ниже своего достоинства опускаться до задач эмпирической параметризации социальной повседневности. Для П. Бурдьё, напротив, характерно пренебрежение к междисциплинарному делению, ограниченности научного анализа рамками специфики своего предмета, а также набором используемых им методов. В его текстах можно встретить подходы из области антропологии, истории, лингвистики, политологии, философии, религиоведения, эстетики и др. Одним словом, весь культурный багаж, которым располагает ученый, инвестирован в получение достоверного знания, ибо знание ценно само по себе. Главное – его истинность, за которую очень часто принимают научный артефакт. А потому любые попытки, сдерживающие интеллектуальные интенции ученого в постижении данной истины, отвергаются П. Бурдьё. Здесь и препятствующие расширительному исследовательскому поиску границы предметной области дисциплины, ее методов, а также исчерпанность исследовательского сюжета рамками голого теоретизирования и, напротив, его зацикленность на эмпирической фактуре, способной за деревьями не зафиксировать лесного массива с его доминантными характеристиками, сформулированными на уровне теоретических обобщений.

В. Г.: Но ведь в итоге мы получаем опять набор предельно абстрактных категорий, пусть и сформулированных на базе эмпирической модели. Если даже перечислить основные из них, например задействованные П. Бурдьё при анализе поля политики, – «гомология пространственных структур», «габитус», «символический капитал», «субститут власти», «делегирование полномочий», «эффект бюро» и т. п., то становится очевидной заявка автора на универсальность обозначенных им теоретических конструктов, природа которых связывается со стремлением найти некую концептуальную базу для обобщения накопленного эмпирического материала. Более того, кажутся весьма проблематичными и попытки обратной редукции этих абстрактных концептов к опыту операционализированной повседневности, столь важной именно для социологии. С одной стороны, это понятно: П. Бурдьё ведет речь о теории поля политики и, следовательно, о закономерностях его функционирования. Ведь если нет закономерностей, то нет и науки. Но в случае с П. Бурдьё создается впечатление целенаправленного загромождения категориального аппарата социологии политики, не освоив который вряд ли разберешься с логикой структурирования поля политики, где «игра идет по своим правилам, отличным от правил соседнего пространства» [1, с. 252]. И все же обходилась социология политики до недавнего прошлого и без этого специфического вербального словаря П. Бурдьё. Так не имеем ли мы дело с эффектом сублимации интеллектуальных интенций самого автора эпохи постмодернизма?

Ж. Г.: Да, это правда. Некоторая сложность и амбициозность, даже сознательная эпатажность автора очевидны. Так ведь к этому есть основания! А когда они очевидны, то и амбиции можно отнести к недостаткам извинительного характера.

Возьмем, к примеру, заголовок известного эссе «Общественного мнения не существует». Что значит для социолога отрицание феномена общественного мнения – концептуальной социологической категории? Если поверить автору в этом тезисе на слово, не вдаваясь в содержание работы, то можно подвергнуть радикальному сомнению научность социологии как таковой, ибо на опросах общественного мнения базируется преимущественно все эмпирическое поле этой науки. А между тем именно упомянутым эссе П. Бурдьё открывает новую страницу своих научных рефлексий, которую следует понимать как социологию социологии, рассматриваемой не как «простое и механическое разоблачение опросов общественного мнения, но попытку строгого анализа их функционирования и назначения» [1, с. 161].

Рассмотренные П. Бурдьё три методологических постулата, объединенных общим концептом «порог компетентности» (если от него абстрагироваться и не замечать вовсе), ведут к производству лишенных смысла артефактов и серии деформаций. И проводником таких очевидных искажений как раз и выступают массовые опросы общественного мнения, «когда людей просят выбрать позицию среди сформулированных мнений и когда путем простого статистического агрегирования… производят артефакт» [1, с. 177]. Вот против такого общественного мнения, «какое скрыто ему придается теми, кто занимается опросами, или теми, кто использует их результаты», как раз и восстает пытливый ум П. Бурдьё. Что касается улавливаемой эпатажности в заглавии самого эссе, то не будь этой выраженной дерзости по поводу объективного феномена общественного мнения, на котором основана эмпирическая база в том числе и политической социологии, как знать, возможно, и внимания особого не обратили бы на нее или подошли бы поверхностно, не вдаваясь в нюансы критических рефлексий автора. А поднятая проблема, надо признать, принципиальна для социологии и особенно социологии политики. Хотя полной уверенности в том, что эпатажность П. Бурдьё стимулирует

современную генерацию студентов прочитать и понять его тексты, разобравшись в их тонкостях, честно говоря, нет. Поэтому я заставляю студентов выучить методологические постулаты П. Бурдьё наизусть, что называется, на всякий случай! С них, по существу, и начинается знакомство с его социологией политики.

В. Г.: Я бы рекомендовал начинать с другого – с констатации миссионерской роли социологии. У П. Бурдьё данный тезис выражен достаточно четко: «Я хотел бы, чтобы социологи были всегда и во всем на высоте той огромной исторической ответственности, которая выпала на их долю, и чтобы они всегда привлекали в своих действиях не только свой моральный авторитет, но и свою интеллектуальную компетенцию» [1, с. 25]. Что касается компетентности социологов, то есть надежда на оптимистическое развитие сюжета. Тем более что мы ставим своей задачей освоение студентами методологии социоанализа П. Бурдьё, ориентированной как раз на «рационализацию компетентности» через, в частности, усвоение закономерностей функционирования социума и политического пространства. А вот проблема морального авторитета социологии в сложившихся обстоятельствах остается крайне острой. Хочу напомнить в этой связи, что отечественная социология прошла не столь длительный путь, но для нее характерно рельефно обозначенное скачками и зигзагами становление.

Ж. Г.: Трудно с Вами не согласиться. Надо честно признать, что с учетом повсеместного сокращения в учебном плане часов на дисциплину, определенную в единый образовательный модуль, названный к тому же «Экономика», социология никак не может рассчитывать на утверждение своего морального авторитета и, как следствие, на миссионерскую роль в обществе, о которой заявляет П. Бурдьё. Но я предвижу контрдоводы, которые может привести любой представитель истеблишмента из числа тех, кто курирует проблему оптимизации образования: причем здесь моральный ущерб, наносимый социологии, если речь идет о сокращении учебных часов на дисциплину, к тому же на непрофильных факультетах (химии, физики, правоведения и др.)? К исследовательским социологическим структурам в формате институтов, центров, лабораторий это не имеет никакого отношения. Вот на эту практическую исследовательскую социологию и ложится миссионерская функция социологии в целом.

В. Г.: Допустим. Но ведь социология позволяет выстроить массовый процесс обратной связи, в котором участвует не только исследовательский цех профессиональных социологов, но и гражданское общество. Поэтому культура социологического мышления принципиальна ровно настолько, насколько важен для управленцев всех уровней грамотный социологический прогноз развития ситуации с учетом тех латентных противоречий, неочевидность которых сегодня может обернуться очередной драматической историей для всей страны уже завтра. За примерами нам ходить далеко не надо. Не говоря уже о том, что нынешние студенты – реальный резерв управленческих кадров. Более того, по нашим данным, уже каждый четвертый из выпускников стремится попасть на работу в органы государственного управления. И вот представим, что уже завтра или послезавтра они займут лидирующие позиции во властных структурах. Как первому постсоветскому поколению без знания основ социологического мышления управлять людьми, социальными структурами, обществом в целом? Если, конечно, мы честны в своих установках на прогрессирующую динамику саморазвития, не ограничивая ее красивой риторикой и не отрекаясь от ответственности за свои решения и их результат.

Ж. Г.: Следуя Вашей логике, нам никак не обойти проблему ответственности – безответственности современных интеллектуалов, касающуюся управления. И как это ни странно, но ответ на этот вопрос мы опять находим у П. Бурдьё, причем сформулированный именно в рамках дилеммы *ответственные – безответственные* интеллектуалы. Кто из них более достоин отпущения грехов? Именно так звучит вопрос у французского мыслителя. Из контекста понятно, что если он отказывается прощать грехи безответственности интеллектуалам вообще, то еще в меньшей степени он не склонен это делать в отношении ответственных интеллектуалов, «которые в перерывах между двумя административными советами, тремя коктейлями с участием прессы и несколькими появлениями на телевидении выдают каждый год по новой публикации» [1, с. 26]. Я бы только поменяла слово «публикации» на «инновационные идеи», которые в условиях перманентного реформирования отечественного образования лавинным потоком сваливаются на головы рядовых исполнителей на местах, где тоже, замечу, работают интеллектуалы (преподаватели вузов, учителя школ). По правде говоря, в нашем сегодняшнем отечественном опыте проблема интеллектуальной элиты общества наиболее остро обнажается на уровне вертикального среза. С одной стороны – ученые интеллектуалы, а с другой – интеллектуальный истеблишмент, который не ведает, что творит, ибо то, что происходит вокруг нас в образовательной сфере, нельзя оценить иначе как активную фазу борьбы с отечественной гуманитаристикой, куда, естественно, попадает и социология. Замечу, что происходит это именно потому, что интеллектуалы от управления не имеют обратной связи, которую могла бы им обеспечить как раз социология. В этом контексте вполне целесообразно, наряду с распространяющимися процессами аккредитации образовательных структур на предмет эффективности учебного процесса,

внедрить систему аккредитации управленческих решений по поводу, например, результативности предложенных моделей оптимизации образовательного процесса в целом.

В. Г.: Смело! Неслучайно Вас признают апологетом социологической концепции Бурдьё. Но вот что меня настораживает: возведенные в абсолют принципы могут привести к системному вялотекущему критиканству. В политике особенно. Я уже не говорю о массовом сознании, для которого априори во всем виноваты политика и политики. Возьмем для примера исключительно профессиональную среду: имею в виду выходящую на авансцену самостоятельной деятельности когорту молодых социологов. Анализ политического пространства требует соответствующего порога компетентности, с одной стороны, и, я бы сказал, потенциала высокой нравственности, порядочности, ответственности и даже гражданского мужества – с другой. Можем ли мы на это рассчитывать сегодня с учетом качественной специфики новой генерации цифровых технологий, где культивируется совершенно иная (в сравнении с традиционно-нормативной этической моделью) система ценностей, в которой все вышеперечисленные нравственные параметры отодвигаются на периферийный план? И наши молодые социологи, как свидетельствуют полученные нами данные, в этом смысле мало чем отличаются от своих сверстников. Им свойственна та же ориентированность на мобильность и возможность получить образование на Западе, что усилит их конкурентоспособность на рынке труда, та же зацикленность на достижении жизненного успеха путем реализации прагматических установок, среди которых на первом месте – связи, деньги, карьера и власть, наконец, та же озабоченность своей автономией или свободой, не допускающей в орбиту своего полета никаких идеалов или авторитетов [2]. Такой, знаете ли, кентаврический образ индивидуума, далекого от нравственных идеалов прежних лет, но вооруженный методологией Бурдьё, а потому системно критически рефлексирующий молодой интеллектуал. Что нам от него ожидать? И чем это может для нашего общества закончиться? Вот такая прожективная ситуация для осмысления.

Ж. Г.: Вынуждена заметить, что нарисованный Вами образ – это не худшее из того, на что мы можем рассчитывать. В конце концов, именно понятия «компетентность», «компетенции» звучат в наших учебных программах как основная сверхзадача всего реформирующегося образовательного процесса. Если допустить конечную продуктивность сформулированных целей и согласиться с полученным результатом на выходе, т. е. высококомпетентным специалистом, то его нравственное кредо уже не играет никакой роли. Главное, чтобы он разобрался в сути политического процесса и объективных механизмах его функционирования или его универсальных причинах. Что касается его нравственных установок, формирующихся в отрыве от традиционной культуры, то, возможно, это даже хорошо, так как его рационализирующиеся критические рефлексии не будут сдерживаться нравственными обязательствами национального интереса, патриотизма, долга, чести и др. Можно предположить, что именно данное поколение системно критически рефлексирующих компетентных интеллектуалов в отрыве от традиционной системы ценностей как раз и выведет общество на радикальный глобальный уровень прогрессирующей динамики. Они будут олицетворять собой компетенции, адекватные технологичности социально-политических процессов. Кстати, у П. Бурдьё данная перспектива тоже отмечена оттенком очевидного радикализма, органичного любому революционному призыву. В конце главы «Делегирование и политический фетишизм» он пишет буквально следующее: «Последнюю политическую революцию – революцию против сословия политиков и против потенциально содержащейся в акте делегирования полномочий узурпации – еще только предстоит завершить» [1, с. 261].

В. Г.: Перспектива очередной социальной революции даже со ссылкой на авторитетного П. Бурдьё, честно говоря, не очень оптимистична. После революций в нашей отечественной истории мы должны бы уже сделать соответствующие выводы в пользу эволюционного пути развития общества. Может, есть смысл ориентировать эту «рационализирующуюся компетентность» новой генерации профессионалов в этом направлении? Последнее, замечу, не исключает добродетелей высокой нравственности и моральной ответственности. У П. Бурдьё эта приоритетность «политики морали в политике» выражена достаточно рельефно. Вспомним, например, адресованное именно социологам замечание: «… исследователи, упорно разоблачающие сокрытое (как социологи), сами могут способствовать созданию условий установления царства гражданской добродетели только в той степени, в какой логика их соответствующих полей обеспечивает им выгоды от универсального, которые лежат в основе их нравственной порядочности» [1, с. 330]. Таким образом, изучение и раскрытие универсальных причин институционализирующейся на наших глазах политической практики и постижение технологии политического процесса не исключают принцип нравственной ответственности исследователя, а, напротив, предполагают взаимосвязь. Против этого трудно что-либо возразить. Но и это еще не все. Нравственные категории органично включены в общую концепцию поля политики П. Бурдьё. Я говорю о его анализе краеугольного принципа демократии – процесса делегирования полномочий власти. Корни иллюзий по поводу демократии обусловлены, по Бурдьё, фактом «основательной затемненности замкнутого кругового характера предста-

вительства» [1, с. 234], логическим следствием чего становятся перманентно возникающие зоны риска, связанные с вопросами сознательности, политического фетишизма, идолопоклонства, политического отчуждения и в «предельном случае», как отмечает наш автор, – узурпации власти. Все это, подчеркну, уводит нас в сферу морали в политике.

Ж. Г.: И тем не менее для П. Бурдьё эти нравственные аспекты вторичны, ибо несут в себе не столько субъективную, сколько объективную предопределенность. Первопричина политического отчуждения находится в самом механизме делегирования, поскольку в нем изначально «заложена возможность для злоупотреблений» [1, с. 235]. Определяющим здесь является вывод П. Бурдьё о необходимости со стороны группы доверителей «постоянно идти на риск политического отчуждения для того, чтобы его избежать» [1, с. 235]. Демократические иллюзии разбиваются вдребезги с учетом того обстоятельства, что, «когда одно лицо получает полномочия от множества лиц, оно может оказаться облеченным полномочиями, трансцендентными по отношению к каждому из доверителей» [1, с. 233]. Таким образом, с трансцендентностью социального, закономерно следующей за актом передачи полномочий, связывается природа злоупотреблений власти, когда «представитель может восприниматься другими и сам воспринимать себя в качестве *causa sui* – сам является причиной того, что составляет его власть» [1, с. 234].

В. Г.: Вот опять всплывает категория трансцендентности, которую мы в самом начале дискуссии инкриминировали исключительно философам, да еще с упреком относительно их оторванности от проблем социальной практики. Хотя нельзя наверняка утверждать, что введенный П. Бурдьё термин «трансцендентность социального» принадлежит именно ему. Скорее, это лежит в русле традиций школы Дюркгейма. Впрочем, это не столь важно. Но, вне сомнения, принципиальны в нашем случае привычные для социологии попытки операционализации категории. В самом приближенном смысле под трансцендентностью социального понимается то, что существует за пространственными границами личного опыта. Самым ярким примером является как раз эффект оракула, крайнего случая символического насилия и узурпации власти, когда доверенное лицо (лидер) выступает по телевидению с речью в повелительной модальности от имени многочисленной группы своих доверителей. При этом сидящие по ту сторону экрана доверители находятся вне опыта (в этом смысле они трансцендентны), ибо не могут сообщить своему субституту власти о своем несогласии с ним. Следовательно, чем шире численность уполномочивающей на представительство группы, тем масштабнее трансцендентность социального для самого уполномоченного (или «субститута власти», по Бурдьё), это так называемый эффект метонимии, позволяющий «универсализировать частные интересы аппаратчиков и отождествлять интересы доверенных лиц с интересами доверителей, которых они призваны представлять» [1, с. 254].

Ж. Г.: И не только. Чем шире численность группы, тем выразительнее эффект трансцендентности социального для нее самой, теряющей контроль внутри себя и над собой. Последнее не позволяет самой группе доверителей с определенностью утверждать приоритетность интересов каждого из них. Практический исход данных обстоятельств – эффект неадекватности как внутри группы, так и вне ее во взаимодействии со своим уполномоченным представителем. Мы сталкиваемся с данным явлением достаточно часто в повседневности, когда, например, водитель такси искренне удивляется факту победы на выборах конкретного лица, мотивируя свое удивление тем обстоятельством, что среди его друзей все голосовали за другую кандидатуру: т. е. его личный опыт не выходит за рамки его референтной группы, и это для него достаточное основание, чтобы усомниться в справедливости итогов избирательной кампании в принципе.

В. Г.: Очень хороший козырь для понимания инструментальной ценности социологии вообще и социологии политики в частности. Если представить масштабы этой группы доверителей в случае действующей политической власти, то это гражданское общество или та ее доминирующая часть (электорат), которая вверила мандат доверия своему субституту власти. Тогда массовые социологические опросы населения являются, пожалуй, единственным реальным механизмом обратной связи, позволяющим снизить этот порог политического отчуждения между властью и гражданским обществом. И в данном случае не имеет значения, о каких масштабах делегирования мы говорим: о масштабах отдельной кафедры или университета, цеха, завода. Это в том случае, если руководители перечисленных социальных структур как реальные или официальные субституты власти были избраны демократическим путем в процессе делегирования полномочий со стороны коллектива, а не назначены сверху. По правде говоря, практика делегирования полномочий трудовыми коллективами, начатая активно в 1990-х гг., в нашем отечественном опыте себя не оправдала. Что касается государственных масштабов, то на протяжении всех предшествующих десятилетий мы оставались приверженцами этого демократического пути делегирования полномочий власти посредством утверждающей себя повсеместно практики свободных плюралистических выборов. Следовательно, именно государственные интересы вовлекают социологию в институционализирующуюся политическую практику как реального цивилизованного гаранта, позволяющего удерживать баланс доверия к власти, страхуя ее от

рисков политического отчуждения. Пожалуй, социология – единственный цивилизованный канал такой обратной связи между властью и гражданским обществом.

Ж. Г.: Ну почему же? Понятно наше обоюдное желание абсолютизировать роль социологии как гаранта снижения рисков политического отчуждения между субститутом народа и самим народом. В конечном счете результаты самих выборов, фиксирующих триумф победы конкретного лидера, – это тоже инструмент обратной связи. Справедливости ради следует признать, что П. Бурдьё называет и другие механизмы, вполне характерные для цивилизованного сообщества, включенные в современную политическую практику в ее противостоянии феномену политического отчуждения. Например, протесты в формате митингов или сбора подписей под петициями. Кстати, в прямом интернет-доступе можно найти документальный фильм Пьера Карлеса «Социология – боевое искусство» (2001), посвященный памяти П. Бурдьё [3]. И хочу Вас заверить, что его просмотр производит колоссальный эффект на студенческую аудиторию в плане понимания ею активной роли социологии, в том числе в процессе формирования гражданского общества. Параллельность данных процессов настолько очевидна, насколько очевидна правомерность вывода о несовершенстве самой демократии. Разрешающий потенциал концепции Бурдьё в постижении объективной природы уязвимости демократии сложно переоценить. И лично мне доставляет чувство глубокого удовлетворения наблюдать за тем, как прозревают наши студенты, лишаясь демократических иллюзий.

В. Г.: Вот здесь я с Вами не соглашусь. Мне непонятна Ваша ирония (если не сарказм) по поводу того факта, что наши студенты, знакомясь с текстами П. Бурдьё, постигают уязвимость и несовершенство демократического процесса. Ведь современная молодежь, появившаяся на свет в условиях системной демократической риторики, воспринимает демократию как вполне осязаемую реальность если не сегодняшнего дня, то в ближайшей перспективе. Лишить поколение *Z* идеала (возможно, единственного в своей абсолютной значительности, тождественного идеалам свободы) – значит стимулировать нигилистические тенденции в молодежной среде. В итоге мы можем получить специалиста с еще более выраженной, чем я предполагал ранее, кентаврической определенностью, когда рационализированная компетентность профессионала замкнется на системный характер критических рефлексий, ограниченных форматом выраженного социального нигилизма. Вы считаете данный исход правомерным для формирования молодого специалиста?

Ж. Г.: А почему нет? В конечном счете именно об этом как о главной сверхзадаче социологии говорит П. Бурдьё в своем завершающем слове: «Ничто не должно оставаться вне социологической критики, даже – и в особенности – критикующие интеллектуалы» [1, с. 320]. Наблюдая за происходящим вокруг нас, в том числе и в системе образования, я, например, все время задаю себе вопрос: «Кто из интеллектуалов добровольно возложит на себя функцию конструктивного оппонирования парадоксам образовательной реформации?» Делать ставку в данном вопросе на отдельно взятого преподавателя школы или высшего учреждения образования, парализованного условиями контрактной системы, бесполезно. А вот подключить к данной проблеме универсум науки и, в частности, социологию, призванную по своей сути обеспечивать обратную связь посредством системных критических рефлексий опыта, складывающегося на наших глазах, вполне логично.

В. Г.: Факт принадлежности к универсуму науки, к сожалению, не гарант деперсонализации ответственного за полученный научный результат. За любыми социологическими данными и выводами исследования стоят конкретные люди. И не факт, что даже самые обоснованные их научные гипотезы и идеи найдут понимание и поддержку, столкнувшись с бюрократическим аппаратом, заинтересованным в сохранении своей слаженной функциональной целостности. Напомню в этой связи тексты самого П. Бурдьё, рассуждающего об эффекте бюро (аппарата), укомплектованного штатом освобожденных работников. «Освобожденный работник – тот, кто все свое время тратит на то, что для других является не основным или чему они могут уделять только часть своего времени. А у него время есть, ему некуда спешить. Он способен растворить в медленно текущем бюрократическом времени, в повторах, требующих времени и энергии, самые пророчески смелые начинания, жизнь которых не вечна» [1, с. 259].

Ж. Г.: Да, этот железный закон аппаратной жизни у П. Бурдьё, к сожалению, не исчерпывается всякого рода проволочками за счет обрушивающейся на голову рядового исполнителя лавины формальных отчетов или контролирующих его деятельность бумажек для заполнения. В конечном счете логика этого снежного кома всем понятна, ибо связана с необходимостью оправдания своей должности и функций. Гораздо более принципиален в этой связи факт незаинтересованности аппаратчика в плодотворном исходе проблемы, ставящей под сомнение компетентность чиновника и угрожающей тем самым сложившейся целостности самого бюрократического аппарата: «Согласно основному закону деятельности бюрократических аппаратов, аппарат дает все (в том числе и власть над самим аппаратом) тем, кто также отдает ему все и ждет от него всего, потому что вне аппарата такие люди не имеют ничего или почти ничего. Выражаясь конкретно, аппарат дорожит больше всего теми, кто

больше всего дорожит им, потому что именно они больше всего от него зависят» [1, с. 256].

В. Г.: Итог рассуждений П. Бурдьё очевиден и выражается в предельно лаконичной формулировке: «Аппарат обычно возносит на пьедестал людей надежных». Этот тезис может рассматриваться как логическая квинтэссенция всей кадровой политики. Похоже, что универсальность данного вывода стирает разницу между французским и отечественным опытом. Тогда, возможно, политику омоложения кадрового состава следует классифицировать как одно из направлений выхода из пут сложившихся стереотипов? Ведь именно молодежь способна привнести в данный процесс инновационные практики, свойственные новому поколенческому архетипу, где определяющими параметрами кадровой политики станут компетентность, творческий потенциал, деловая активность, энтузиазм, наконец. Уже самим фактом своего внедрения в сложившуюся систему функционирующего бюрократического аппарата с проверенными кадрами, в надежности которых аппарат уверен, молодежь способна по меньшей мере создать риски для привычных алгоритмов решения кадровой политики.

Ж. Г.: У П. Бурдьё, простите, как раз наоборот! Согласно его модели, молодежь – это прежде всего те, кто ничего не имеет, это – новички, которые включаются в деятельность, будучи лишены какого-либо капитала, в первую очередь символического. И вследствие данного обстоятельства их внедрение в управленческий аппарат лишь усиливает его недееспособность. Ибо тот, кто ничем не обладает, уязвим своей беспрекословностью и преданностью, не склонен к оппозиции. И аппарат ему в награду воздает должное именно за его сговорчивость. По правде говоря, П. Бурдьё крайне циничен в определении конечных целей молодежной кадровой политики, утверждая, что в глазах самого аппарата молодежь «является пушечным мясом в борьбе со старыми кадрами» [1, с. 257].

В. Г.: Пожалуй, сложно не отдать должное П. Бурдьё в его попытках концептуализации эффекта аппарата, как, впрочем, и любой организации, озабоченной сохранением своего статус-кво. Делает он это, опираясь преимущественно на эмпирические тенденции повседневной практики, с которой и мы сталкиваемся достаточно регулярно. Поэтому остается ощущение, что ничего принципиально нового мы здесь не услышали. Хотя П. Бурдьё и не скрывает того, что «самое трудное в социологии – это, сохраняя полную способность удивляться и недоумевать, научиться размышлять о вещах, давно считающихся понятыми» [1, с. 240]. Возможно, как раз с этой целью он все время апеллирует к предельным случаям и рассуждает с точки зрения крайних позиций. А ведь в реальности, например, проблема омоложения кадров реализуется параллельно с принципом преемственности кадровой политики, способным в этих условиях сохранить оптимальный баланс равновесия кадрового состава. И если мы сталкиваемся с тенденциями противоположного плана, с запредельными с точки зрения даже здравого смысла явлениями, которые, что греха таить, встречаются в нашей повседневной реальности, то невольно задаемся вопросом: «Почему так происходит или кто виноват?» И к сожалению, логика наших размышлений всегда устремлена к заветной цели – отыскать персонализированного крайнего в случае неблагоприятного развития событий. Но разве не мы сами производим свои практики, в том числе и проблемные? И вот тут на помощь приходит концептуальный ряд логических рассуждений П. Бурдьё, в том числе отпугивающее многих понятие «габитус», наделенное характером порождающего принципа. Поэтому нет ничего удивительного в том факте, что любой чиновник воспринимается как воплощение бюрократического габитуса.

Ж. Г.: И Вы будете абсолютно правы в своем заключении. Габитус – это своего рода шоры, ограничивающие угол зрения социального агента и пространство его представлений о реальности рамками личного жизненного опыта. В итоге статусу чиновника соответствует чиновничий габитус, сформированный в том числе и спецификой его социальной позиции в настоящем. К сожалению, большинство из наших чиновников забывают о своей профессии синхронно увеличению временного интервала пребывания на должности. И это тоже составная часть его актуального габитуса, определяющего специфику его социальной позиции. «Адекватно определенная социальная позиция агента дает наилучшее предвидение его практики и представлений» [1, с. 87]. Поэтому естественно, что пришедший на проверку какой-либо структуры чиновник из аппарата управления будет вести себя соответственно своим представлениям или стилю жизни. Но и социальный агент в облике проверяемого, соответственно, будет продуцировать свои практики, в том числе воспринимать и оценивать факты проверки и их конкретную продуктивность, поведение и даже образ проверяющего чиновника через матрицу собственного габитуса. В этой связи трудно ожидать от бюрократического габитуса чего-то иного, кроме формального подхода, где регистрация фактов заполнения отчетных форм или своевременного начала и конца лекции значит намного больше, чем качество самой лекции.

В. Г.: Проблема мне видится сегодня в том, что между этими нашими габитусами становится все меньше точек соприкосновения, позволяющих уловить их однородность хотя бы на уровне объединяющего нас пространства интеллектуального производства в едином образовательном поле. Надо

признать, что визуально наблюдаемое отчуждение габитусов – между интеллектуальным истеблишментом и непосредственно включенными в образовательный (как, впрочем, и научно-исследовательский) процесс интеллектуалами-исполнителями – как-то ощутимо не идет на пользу дела. Задача более глубокого осмысления природы данного явления выводит нас по меньшей мере к оригинальному выводу П. Бурдьё о закономерностях функционирования любого игрового поля: «Для того чтобы поле функционировало, необходимо, чтобы ставки в игре и сами люди были готовы играть в эту игру, имели бы габитус, включающий знание и признание законов, присущих игре» [1, с. 18].

Ж. Г.: Позвольте тогда мне сформулировать гипотезу о разбалансировке изначальных ставок между игроками поля. Начнем с интересов. К сожалению, управленческий истеблишмент, ограниченный своей категорией интересов, зацикленных на удержании своего статус-кво, склонен к активной имитации своих функциональных обязанностей посредством оперативного реагирования на поступающие сверху приказы, распоряжения, директивы. Для категории интересов непосредственных работников вузов, школ, задействованных в деле практической реализации, например, программы оптимизации образования, вся эта имитационная суета управленческого персонала (в том числе и внутри школы, института) будет восприниматься как лишенная всякого смысла, потому что смыслы и интересы непосредственного исполнителя на местах связаны с практической пробуксовкой оптимизирующейся образовательной системы и поиском алгоритмов ее грамотного решения. И между двумя этими категориями интересов – пропасть недопонимания. Иначе как объяснить пролонгированный во времени казус с внедренным, например, в вузы модульным проектом, приведшим к очевидной профанации всю гуманитарную сферу образования, которая к тому же очевидна всем?..

В. Г.: Думаю, что есть еще более глубинные основания расхождения наших габитусов с интеллектуальным истеблишментом в образовании. Рискну высказаться о принципиальной разнице условий функционирования между нами и нашими управленцами. Если обратить внимание, например, на объем и структуру распределенных между игроками поля видов капитала (экономического, культурного, символического), то, по всей видимости, произошел ощутимый разрыв в условиях существования наших параллельно функционирующих в едином образовательном пространстве структур. Разрыв этот надо каким-то образом склеивать.

И последнее в этом лабиринте вопросов – это законы функционирования игрового поля, для отражения которых П. Бурдьё привлекает универсум социологической науки. Неслучайно социология трактуется им как социальная топология, представляющая социальный мир в «форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть…» [1, с. 14]. Это социальное деление, несмотря на свою объективацию в физическом пространстве, в большинстве случаев относится к сфере неявного, глубоко скрытого и функционирующего «одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура» [1, с. 37]. Габитус тому подтверждение: с одной стороны, это механизм социальной дифференциации, или «система диспозиций», а с другой – способ видения, восприятия и оценивания.

Ж. Г.: Этот же сюжет имеет наглядную иллюстрацию у П. Бурдьё в принципе гомологии пространственных структур. Замечу, что это очень интересный и поучительный сюжет для студентов. Например, постоянно всплывающий с их стороны вопрос: «В какой мере складывающийся годами устойчивый характер отношений структурной гомологии в сфере политического поля подвластен изменениям и инновационным преобразованиям?» Их в буквальном смысле обескураживает ответ: «В очень малой мере!» Ведь устойчивая гомология политического поля, выраженная на протяжении длительного времени одним и тем же набором сюжетных линий (или смысловых структурных однородностей), способна воспроизводить себя значительный период, в том числе даже по инерции. И происходит это именно потому, что «в большинстве случаев интересы доверителей и доверенного лица существенным образом совпадают (структурно), так что доверенное лицо может верить, заставляя и других в это поверить, что у него нет иных интересов, кроме интересов своих доверителей» [1, с. 252]. И только святая простота дилетанта в политике, что свойственно именно молодежи, может искренне надеяться на то, что достаточно помитинговать или устроить акцию протеста для того, чтобы эту устойчивую гомологию поломать и прийти к торжеству своеволия. Чтобы это дилетантство преодолеть, нужна революция в сознании, основанная на постижении и усвоении объективных законов функционирования политического пространства. А это длительный и эволюционный путь развития с опорой на законы. Вот творческая концепция Бурдьё и разъясняет, в чем природа ее основной и безусловной ценности.

В. Г.: Подводя итоги нашему краткому (с учетом масштабности теоретического наследия П. Бурдьё) экскурсу в его социологию политики, вынужден согласиться с Вами в том, что задача овладения вербальным категориальным аппаратом ученого, несмотря на его сложность, все же полезна. За каждой

из задействованных нами в разговоре категорий стоит цельный конструкт закономерностей, которые в большинстве своем вполне органично проецируются на нашу отечественную почву. Хорошо это или нет? Как к этому относиться? С одной стороны, это подтверждает однородность процессов глобализирующегося миропорядка, которым и мы подвластны. С другой стороны, знание всегда хорошо, если это знание истинно, разумеется. В этом смысле для социологов изложенные П. Бурдьё основания «нового видения социума» интересны и, надеюсь, эвристически плодотворны. В концепции, например, габитуса и обоснованной им активности социального агента это очень хорошо просматривается. Ну и, наконец, самое главное: все, о чем мы с Вами поговорили, а также о чем умолчали, – это попытка постижения кода функционирования социально-политического пространства. И в данном смысле все это выглядит вполне в русле рационализации компетентности профессионала-социолога, который к тому же призван инвестировать свой интеллект в решение масштабных социальных проблем, в том числе, как я понимаю, в пересмотр самой демократии как обязательного атрибута счастливого будущего. Нам остается пожелать грядущим поколениям успеха.

Библиографические ссылки

1. Бурдьё П. *Социология политики*. Шматко НА, редактор. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
2. Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение социальной аномии под прицелом «организованного скептицизма». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:113–123.
3. Карлес П. Социология – это боевое искусство [Интернет; процитировано 5 апреля 2019 г.]. Доступно по: https://www.youtube.com/watch?v=jjFNoztCGX0.

References

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, editor. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
2. Grishchenko ZhM, Schelkova TV. Generation of social anomie at the sight of «organized skepticism». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:113–121. Russian.
3. Carles P. Sociology is a martial art [Internet; cited 2019 April 5]. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=jjFNoztCGX0.

Статья поступила в редколлегию 19.09.2019.
Received by editorial board 19.09.2019.